

АЛЕКСЕЙ НОВОСЁЛОВ

Вселенская Стая

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Алексей Новосёлов
Вселенская Стая.
Мировоззренческий
фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008837

ISBN 9785447413125

Аннотация

Действие разворачивается в далёком будущем. Люди не помнят своего прошлого и живут чуть ли не в каменном веке. Их численность сократилась катастрофически. Идёт постоянная борьба за выживание среди кровожадных чудовищ, захвативших обозримый мир вокруг. Героям предстоит пробраться в Город, где по слухам имеется определённое средство спасения. Однако по дороге с ними случается необъяснимое...

Содержание

Об авторе	6
Предисловие от автора	8
Пролог	10
Часть первая. Покинутый мир	15
Глава 1. Возвращение	15
Глава 2. Посёлок	39
Глава 3. Полковник	60
Глава 4. Сотрудничество	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Вселенская Стая Мировоззренческий фантастический роман Алексей Новосёлов

Все концепции, изложенные в книге, являются вымыслом. Слова автора не всегда подразумевают мировоззрение самого автора. Автор не всегда разделяет точку зрения своих героев. Любые совпадения с реальными событиями и людьми случайны.

© Алексей Новосёлов, 2016

© Анастасия Геннадьевна Кунец, иллюстрации, 2016

Редактор Николай Александрович Тютюев

Корректор Николай Александрович Тютюев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Алексей Анатольевич Новосёлов (Ядрышников). Родился 6 апреля 1976 года. Получил финансово-юридическое образование. Живёт и работает в городе Шадринске Курганской области. Творчеством занимается с 2009 года, в свободное время. Принят в Российский союз писателей. Номинирован на Национальную литературную премию «Писатель года 2015». Номинирован на литературную премию «Наследие 2016».

Его книги – это сочетание научно-фантастических идей, библейских истин, мистики, неких философских размышлений, а также невероятных приключений, которые происходят с героями его романов. Моменты подобного совсем нельзя постичь поверхностным восприятием, не погрузившись в них полностью.

Основной уклад повествований проявляется в отражении через фантастику реальной действительности, создании полномасштабного мира будущего, с оригинальностью его описаний, непредсказуемостью и таинственностью бытия, яркими характерами персонажей, их эмоциями, проблемами, переживаниями. События не лишены также и своеобразного юмора.

Автор не останавливается в собственных замыслах и продолжает работу в том же направлении, выстраивая сюжеты,

спешит порадовать читателя новыми произведениями.

Предисловие от автора

Действие разворачивается в далёком будущем. Люди не помнят своего прошлого и живут чуть ли не в каменном веке. Их численность сократилась катастрофически. Быт наполнен различными трудностями, которые проявляются в ходе развития сюжета. Идёт постоянная борьба за выживание среди кровожадных чудовищ, захвативших обозримый мир вокруг. Люди вступают в противоречие как с окружающей действительностью, сложившимися обстоятельствами, так и с собственной глупостью, жадностью, гордыней, где побеждает сам человек, его вера в себя, которая помогает преодолеть любые преграды. Персонажи взаимодействуют друг с другом, проявляют характеры, раскрывают секреты прошлых жизней. Героям предстоит разрешить множество вопросов, чтобы в конечном итоге узнать правду о гибели их цивилизации.

Проблемы, затронутые в романе, неразрывно связаны с днём сегодняшним: это расслоение общества на классы – элиты, свободных граждан, простых жителей – и их дальнейшая деградация; незащищённость обитателей Земли от вторжения инопланетного разума, уже многие столетия дающего незримые предпосылки для внедрения таких вероятностных изменений в человеческое сознание; ненависть людей друг к другу, их стремление к власти, богатству, бес-

смертию, и как далеко это может зайти. Открываются тайны души человеческой, умеющей возрождаться не только в последующих, но и в предыдущих поколениях, способности управления этим механизмом перерождения, существование Вселенной вообще как таковой в целостности и духовном сознании людей, а также наличие других, однако совершенно недружественных людям созданий. Объясняются некоторые имеющиеся по сей день неопределённости в научной сфере познания в виде гипотез и предположений, тонко подводящие читателя к собственным выводам на этот счёт.

В произведении используются как элементы житейского юмора, повседневного быта, страха перед неизвестностью, так и иные глубокомысленные моменты, которые в общей совокупности подвигнут читателя задуматься о смысле и предназначении самой жизни, погрузиться в мир другой действительности, которая может обрести реальное воплощение уже здесь, на нынешней Земле, среди живущих в наши дни людей, перевернув с ног на голову все их представления о вечном и насущном.

Пролог

Жёлтый лист медленно плыл по реке. Сначала один, затем вслед за ним ещё несколько. Они кружились вокруг, словно в последнем быстром танце, то ненадолго погружались в воду, то поднимались опять на дрожащую, покрытую рябью поверхность. Плыли так, один за другим... Наверное наступила осень, если листва была жёлтой, отсвечивающей лёгким багряным румянцем. Ведь исключительно в это время года деревья и лишаются кажущейся им крайне необходимой этой защитной оболочки, образующей величественной кроны, когда окружающим воочию можно наблюдать такое необычное явление, как падающие на землю листья, застилающие буквально всё, никому не нужные и бесполезные в новом изменяющемся мире. Деревья словно сбрасывали с себя лишнюю ношу, освобождались от навязчивого их присутствия, которое впоследствии могло им серьёзно навредить: удерживать на ветвях будущий выпавший снег, способный в свою очередь низко приклонять их к земле, нарушая естественный образ существования.

Было холодно, но не так, чтобы замёрзнуть. И пасмурно. Вот-вот пойдёт дождь, осенний и мелкий, упадёт россыпью с неба. Поднимался ветер, проходил сквозь деревья, заставлял их ветвями цепляться друг за друга и периодически шуметь, издавать необычные, особенные звуки, как буд-

то о чём-то перешёптываться. Он ворошил их отмирающую живительную крону, осыпающуюся тут же, при малейшем прикосновении отрывающимися листочками вниз, которые падали прямо в реку, а после и вовсе медленно уплывали по течению дальше. Вода же, напротив, выделялась постоянным своим звучанием, но не так резко и отчётливо, как гудели деревья, затихая на незначительные промежутки времени, а несколько по-иному, равномерно и монотонно, просачиваясь через встречающиеся камни так легко, как сквозь деревья проходил ветер. Было хорошо смотреть на огонь, горящие поленья, ветки, сучки, как они необычно потрескивали, пощёлкивали, иногда громко, иногда – чуть слышно, когда пламя поглощало их целиком без остатка, оставляя на обозрение одни только угли, перемигивающиеся красными глазками, в свой черёд постепенно превращающиеся в пепел.

Начинался дождь. Сначала капля за каплей – медленно. Затем, всё более нарастая и усиливаясь, он образовывал некий водяной поток, изливающийся и падающий откуда-то сверху. Сверкнула молния, разделяя свинцовое небо на несколько неровных частей, и вслед за ней прерывисто и раскатисто грянул гром, как бы напоминая о необычайной силе и мощи природы. От дождя на реке появились пузыри. Она словно забурила, и казалось, что течение в ней стало быстрее и стремительнее. Небо потемнело. Огромные тучи затягивали его, как будто кто-то неведомый и таинственный

накрывал небесный купол непроницаемой для света грязно-серой плёнкой, создавал густой полумрак, забирал необходимую для живых существ солнечную энергию. Не стало слышно ранее звучавшего пения птиц, назойливого жужжания и щёлканья насекомых – всё замерло в ожидании чего-то неопределённого, необычного, которое должно было вскоре предстать в полномправном величии своего могущества.

Ветер усиливался, и листья уже не падали в реку, а уносились воздушным потоком далеко за пределы видимости наблюдателя, увлекая за собой также и сухие отломанные ветви деревьев, так и не успевшие долететь до земли. Забурлившая река точно потекла вспять, образуя большие водовороты; выходила из положенного русла и разливалась вокруг, захватывая попутно прилегающие участки суши в свои владения. Она стала подниматься над поверхностью земли выше и выше, кружась в огромном смерче урагана, поглощая собой то, что так или иначе встречалось ей на пути. Словно вся неодолимая сила и мощь природы собралась в единый ступок разрушительной энергии, который обрушился на весь живой мир, нарушая привычный и размеренный уклад бытия.

«Диковинные же существа появились, совершенно другие, не такие как раньше, ничего не боятся, – думалось ему

после того, как он уже своей рукой ощупал внушительные клыки хищника. – Этот шею свернёт и не задумается»

Часть первая. Покинутый мир

Глава 1. Возвращение

Человек ступал по траве легко и незаметно, стараясь издавать как можно меньше звуков, озираясь и всматриваясь в окружающую его темноту. Становилось прохладно и сумрачно. В это время года ночи казались нестерпимо холодными и надвигались так стремительно, что можно было замёрзнуть и остаться в таком лесу уже навсегда. Нужно было возвращаться в посёлок, и как можно скорее. Прodelать подобное стало сложно вместе с прихваченными с собою необычными трофеями, которые выдал с лихвой его старый надёжный товарищ. Но всё равно, этот человек пытался шевелиться быстрее, на что хватало ещё оставшихся сил. Ведь он и так довольно сильно припоздал, пробуя разобраться по дороге с малоизвестным прибором, столь легко и безмятежно полученным в подарок от того же доброго знакомого. Устройство не хотело работать по совести, как ему действительно предписывалось, и тащить тяжёлый мешок на обратном пути ему пришлось буквально на своих плечах. Но что можно было сделать? Он просто не рассчитал время на все эти так непредвиденно возникшие обстоятельства.

Сухая листва под ногами предательски шуршала. Ветви

деревьев, беспорядочно разбросанные тут же, издавали зловещий хруст, разносившийся громким эхом по осеннему лесу так, словно отражались от невидимых стен в его глубине. Такие звуки могли привлечь нежелательное внимание обитателей этой земли, встреча с которыми не предвещала ничего хорошего. Впрочем, ничего плохого она также не несла. Разве что только другие, более мелкие и проворные, вездесущие твари могли напасть неожиданно сзади, совсем внезапно, как и полагалось всем подобного рода созданиям. Людьми они, к сожалению, не являлись, как первые, упомянутые выше. С ними нельзя было договориться или как-либо мало-мальски объяснить. Уж они-то представляли опасность намного серьёзнее своих человекообразных конкурентов. Тем не менее, конечное место было уже недалеко, и первые огоньки костров, хотя и слабенько, виднелись на туманном вечернем горизонте, указывая своим светом правильное направление.

Поднимался лёгкий ветерок, означавший достаточно скорую перемену погоды, предвещая собой нечто ужасное и, без сомнений, смертельно опасное, понятное лишь тем, кто жил здесь. Падали белые хлопья, но это был не снег, а скорее пепел, летевший откуда-то издалека и засыпающий собственной массой всю окружающую природу. Листва, лежавшая на земле, сразу потемнела, превращаясь в серовато-жёлтую кашу, которая ещё больше мешала при ходьбе. Возможно, должен был пойти дождь, и не просто дождь, а некое по-

добие проливной вихревой бури, способной смести на своём пути абсолютно всё. Но до сих пор такого явления не наблюдалось, да и по сути происходящего для его возникновения было уже поздновато, так как похолодало довольно сильно. Однако вероятность выпадения осадков всё же присутствовала, и данное страшное обстоятельство, как этот ливень, при пониженной температуре могло обратиться в нечто ещё более худшее и, несомненно, трагически закончиться для запоздалого путника. По всей видимости такое событие должно было начаться очень скоро, через какие-нибудь считанные минуты.

Необходимо сказать, что на свои вылазки этот человек всегда ходил один, хотя подобные мероприятия отнюдь не являлись безопасными. Просто из-за сложности характера он не мог довериться соплеменникам полностью, особенно в таких жизненно-важных вопросах, которые решал сейчас. Не столько уж оттого он поступал подобным образом, что не любил людей, сколько, безусловно, не мог подвергнуть их неоправданному риску, когда в случае необходимости просто не сможет им помочь. Так ему путешествовалось надёжнее и спокойнее.

Одет же он был в старую потрёпанную кожаную куртку. Штаны, сшитые из плотной джинсовой ткани, также не блистали новизной. Сапоги выглядели уже чуть лучше, были приобретены им недавно, полгода назад, при довольно странных обстоятельствах, не очень-то подходящих для

обычного способа добывания вещей. Смена старого обмундирования не являлась такой уж неразрешимой задачей, но всё равно их владелец не спешил, однако, с ними расставаться. Не то чтобы он не хотел чего-нибудь нового, изысканного, просто ему было так удобнее, и, как часто бывает, он не любил менять одежду, пока это не станет крайней необходимостью.

Вскоре путник подошёл к небольшому озеру и остановился на берегу. Зачем он это сделал? О том можно было только догадываться, ведь драгоценного времени с каждым истёкшим мгновением и так становилось всё меньше. Вероятно ему захотелось несколько утолить свою жажду, промочить пересохшее горло и набрать попутно воды, но металлическая фляжка, висевшая на поясе, и без того оказалась полной. Может, тело его серьёзно пострадало, было повреждено, избито, кровоточило или выглядело грязным, и он решил здесь промыть свои раны, сделать необходимую перевязку, чтобы не получить смертоносного заражения. Однако и таких изъянов на его организме не наблюдалось. Скорее всего, он остановился, чтобы попросту безрассудно предаться небольшому отдыху, взять маленькую передышку после долгой дальней дороги и подготовиться к последнему решающему рывку близ посёлка. Он хотел восстановить так необходимые ему жизненные силы, а также, конечно, смыть следы своего тяжёлого, непредсказуемого перехода.

Человек нагнулся над озером, слегка тронув поверхность

рукой. Вода в этой части стояла ещё тёплая, словно сохраняла в себе энергию уходящего дня. Он слегка сполоснул лицо, опустил ладони, совсем озябшие от холода, чтобы немного погреть их. После чего достал из рюкзака матерчатую тряпку, тщательно вытер и лицо, и руки, активными движениями придавая ещё больше тепла от растирания кожи.

Когда вода успокоилась, он посмотрел на своё отражение, как в зеркало, и улыбнулся, будто бы нравился сам себе, возможно решив напоследок полюбоваться собою. На него смотрел довольно-таки молодой мужчина, лет тридцати, среднего роста, обычного телосложения, загорелый, с короткой стрижкой тёмно-русых волос и удивительно чёткими, правильными чертами лица. Глаза этого человека, казалось, отсвечивали каким-то сероватым цветом со странными коричневыми вкраплениями. Взгляд же выражал уверенность и твёрдость, какая обычно бывает у людей с большим чувством жизненного долга, моральной ответственности и, по всей видимости, невероятной порядочности. Но небритое лицо и шея выдавали в нём некую неустроенную в житейском плане личность, хотя возможностей для такого благоустройства у него было более чем предостаточно.

«Как приду в посёлок, первым делом обязательно побреюсь, – думал он, в процессе осмотра ощупывая колючую щетину на подбородке. – А то зарос ужасно и чёрт знает на кого стал похож».

Ещё раз натянуто улыбнувшись своему отражению в во-

де, потихоньку, чтобы не привлекать внимания, человек продолжил путь, двинулся дальше, по привычке озираясь и оглядываясь по сторонам. Этот маршрут он, конечно же, знал, как свои пять пальцев, не помнил, сколько раз его проходил, но на душе всё равно было тревожно. А что, если он не успеет выбраться до темноты?

«Не так уж и долго осталось, — мысленно успокаивал он себя по дороге. — Дойду, обязательно чего-нибудь существенного себе приготовлю. То вся эта столовская еда давно уже в печёнках сидит. Подлинно она не кажется такой вкусной, нежели ранее, по сравнению с той, которую сделаешь себе сам. Хотя, конечно, каждому своё...»

Все его помыслы неизменно сводились только к одному. Как он придёт домой в свою маленькую неказистую, но ставшую ему родной хижину, разведёт яркий живительный огонь в печке, заберётся в кровать под тёплое шерстяное одеяло, забыв все произошедшие за день неприятности. Во всём теле чувствовалась страшная усталость, которая собственной объёмной массой давила на его хрупкое человеческое подсознание, психологически настраивая на неизбежное. Все эти вылазки во внешний мир всегда сильно выматывали организм. Некое состояние напряжённости, да и вся окружающая обстановка сказывались самым отрицательно-губительным образом на здоровье, столь необходимое для дальнейших переходов. Хотя поход в этот раз вполне состоялся, выглядел успешным и прибыльным, правда и был несколько необыч-

ным, отличным от прочих других. Бывало и хуже, когда он не приносил домой и десятой части того, что сейчас лежало у него в рюкзаке. Содержимое приятно давило на плечи и спину, оставляя в душе чувство удовлетворённости и предвкушения.

По дороге ему то и дело хотелось остановиться и развязать походный мешок, так как он был весьма голоден, притом до такой неимоверной степени, что начал бы есть прямо сейчас, притом любую пищу, какая подвернулась бы под руку. Но здесь, в таком месте, никак нельзя останавливаться, именно на этом участке маршрута, возле посёлка, вблизи людей. Ему давно слышались завывания возможно следовавших по его следам ужасных и неведомых животных, аппетита которых можно только позавидовать. Наверняка это ему просто чудилось, очевидно, из-за скопившейся усталости. Но жёлтый свет их глаз будто мелькал пред лицом во тьме, горел, словно блуждающие болотные огоньки, перемигивающиеся между собой завораживающими искорками, закрывая нужное, правильное направление, сбивая с верного пути. Было крайне важно сейчас попасть в бункер, пока его окончательно не закрыли. Во что бы то ни стало он должен дойти...

Тем временем ветер всё более крепчал, продолжал с каждой минутой наращивать свои обороты, стал пронизывать ледяным дыханием так, что от его зловещего прикосновения ломило кости. Повалил хлопьями обильно снег, мок-

рый и вязкий, подобно тому, как большие куски ваты обволакивают всё тело, облепляют каждый сантиметр плоти рвущегося вперёд существа. Куртка и штаны стали походить на железный панцирь из застывающего алмазного льда, который сильно сковывал движения, заставлял идти намного медленнее, чем прежде. Но путник неумолимо следовал дальше к намеченной цели, преодолевая препятствия, и всё-таки успел вовремя, несмотря на то, что огни костров уже погасли. Он ввалился в бункер еле-еле, как выяснилось позже – самым последним.

– Ну, Андрюха, помилуй бог! И где же тебя черти носят? – возмущённо высказался из темноты задержавшийся ещё на своём посту охранник. Он поднёс к фигуре путника горящий факел, осветил того буквально с головы до ног, невольно заставив поднять вверх свой усталый взгляд. – Совершенно нельзя так наплевательски относиться к своим обязанностям. Разве можно было опаздывать в таком случае?

Перед ним стоял хорошо знакомый седовласый старичок в потёртом камуфляжном комбинезоне, какой обычно носят все представители его профессии, в кепке-бейсболке непонятного тёмно-синего цвета, никоим образом не гармонирующей с его остальной одеждой, и грязных кроссовках, состояние которых также оставляло желать лучшего. Он поглядел на вошедшего снизу вверх, будто сканировал того пристально-острым взглядом своих маленьких хитрых глаз, оправ-

ленных для придания впечатлительности толстыми стёклами линз, которые в свою очередь оригинальным способом закреплялись у него прямо на переносице. Хотя на самом деле невысокого роста худой старик носил такие, довольно-таки действенные по своим исключительным свойствам приспособления больше из-за того, что зрение его было очень плохое, практически никуда не годное. Без этих самых стеклышек он абсолютно ничего различить просто не мог.

– Остальные экспедиторы давно уже здесь. Что же тебя так задержало, приятель? – продолжал говорить он, недовольно, совсем уж неестественно покачивая головой, прикрывая массивную дверь бункера и закручивая вслед тяжёлую защёлку замка. – Только тебя специально здесь и поджидаю. Зачем нужно было так рисковать? Сам отлично знаешь все правила.

– Да будет тебе переживать, успел ведь... – слабо пробормотал Андрей, опускаясь на пол вместе с рюкзаком на плечах. – Хоть бы поприветствовал меня сначала для приличия, дядя Коля. Всё в своём расположении духа находишься. Разве ты у нас сегодня дежуришь?

– Ага, специально выпросился, как только узнал, что ты прибываешь, – он лишь весело посмеялся в ответ. – Однако, должен будешь! Угостишь завтра стопочкой-другой коньячку за возвращение. Хорошо, что сейчас моя смена, а то кто другой, кем бы он ни был, на моём месте люк закрыл бы уже давно и не церемонился. По старой памяти я задержался по-

дольше. Всё исключительно из-за тебя, балбеса.

Андрей знал дядю Колю с самого детства и, честно признаться, даже не помнил, каким образом они могли так подружиться. Николай был хорошим собеседником, добрым и весёлым. И приятели частенько по выходным засиживались в баре за кружкой пива или где-нибудь ещё, в другом месте, рассказывая друг другу занимательные истории, говоря обо всём, что так или иначе попадало на их острый язык.

– Грызунов случайно не встретил? – Николай довольно проворно поправил очки, которые за столь малые прошедшее мгновения успели каким-то образом сползти с его мясистого носа вниз. – А то сейчас этих тварей полно развелось. Они стали очень активны в последнее время. Сегодня троих уже отправили в больницу на излечение. Покусали, аж страшно смотреть, – он поморщился, достаточно убедительно изобразив своё недовольство произошедшим. – Недалеко от бункера напали. Хорошо, что охотники были рядом – отбили, а то ей-ей, загрызли бы насмерть. У тебя укусов нет, я надеюсь?

– Этого уж совсем не имеется. Упаси бог меня от такой напасти, – Андрей покачал головой, одновременно в свой черёд показывая выражением лица всё-то плохое, что и сам думает по этому поводу.

– Да, сегодня у Лены работы хоть отбавляй! Чего только они так всполошились, не понимаю. А сам-то ты как на этот раз управился? – поинтересовался старичок, ловко почесав

седой затылок прямо сквозь дырку в кепке, но заметив невестное уставшее состояние Андрея, махнул рукой, отложив интересные расспросы на потом. — Ладно, думаю завтра как есть всё расскажешь, а то интересно, однако, узнать подробности. Иди давай лучше быстрее в медпункт на осмотр, пока Лена на месте и никуда не ушла. А я, покамест, тебя здесь подожду. Провожу до дому за одним, то мне после смены всё равно делать нечего...

Николай оказался сегодня в отличном расположении духа, был особенно разговорчив, возможно даже больше, чем в обычные дни, и Андрей это, несомненно, заметил, хотя всем видом старался игнорировать. Но тут в двери бункера что-то неожиданно стукнуло, притом таким громким и пугающим образом, что вот так запросто резко оборвало весь ход его дальнейших размышлений. На мгновение даже почудилось, будто какое-то слишком большое или даже огромное создание испытывает оное сооружение на прочность, пиная по нему со всей силы ногами. Сразу после происшедшего раздался жуткий скрежет, словно кто-то, не жалея ни зубов, ни когтей, намеревался разодрать бункер и ворваться внутрь. Однако двери ни на дюйм не поддавались такому яростному давлению. Сделанные из высокопрочной стали, намертво вмонтированные в ущелье скалы, они давно выдерживали натиск этих незваных гостей.

Николай совершенно не воспринимал такого наглого поведения, и, выкрикивая в их адрес многочисленные руга-

тельства, после зычно и торжественно прибавил:

– Что, уроды, никак не успокоитесь! Вот скоро охотники за вами придут, перестреляют всех к чертям собачьим. То-то будет хорошая добыча. Эх, будь я чуть помоложе – сам бы вас всех поубивал. Голыми руками задушил, ей богу!

Он снова поправил очки и, показав кулак в направлении дверей, нетвёрдым шагом подошёл к Андрею, держа вполне доброжелательно протянутую в его сторону руку, дабы помочь тому подняться. Нужно отметить, что Николая, да, кстати, и самого Андрея, когда тот ещё стоял на ногах, заметно покачивало из стороны в сторону. Как показалось вначале, так и сейчас, этот подозрительный факт вполне подтвердился. Но Андрея качало исключительно от чрезмерной усталости. Николай же на беду был немного подвыпившим и потому его правильная координация движений выглядела явно нарушенной изрядным количеством принятых внутрь горячительных напитков. Несомненно, и несколько эмоциональное, крайне несдержанное проявление своих чувств в отношении обыденных жизненных ситуаций приводило именно к таким мыслям, выявляя на свет истинную причину их возникновения. Тем более, не будем скрывать, подобное за ним частенько водилось.

Андрей, немного прищурившись, взглянул на Николая и, как бы оценивая его теперешнее состояние, проговорил:

– А... Вы опять уже приняли что полагается, дядя Коля?

– Так конец смены, как положено, – ответил он, ничуть

не смущаясь. – Немного можно, тем более я тебя ждал. Ты же отлично знаешь, как это трудно бывает – тебя дожидаться. Между прочим, таким как ты тоже не мешает принять пару капель для приличия, да и основательно побриться, а то чёрт знает на кого стал похож! Хотя, можешь и вовсе бороду с усами отрастить. Будешь в точности как наш святой отец проповеди читать.

Николай заулыбался, в очередной раз повторив слова Андрея, которые тот, бывало, высказывал сам. Андрей говорил их всегда, когда собирался бриться, но по каким-то независящим от него причинам это никак не удавалось сделать.

– Издеваешься, – обиженно откликнулся он, понимая, что Николай лишь в очередной раз посмеялся над ним.

– Даже и не думал нисколько, – хитро вымолвил тот в своё оправдание. – Смотри, тебе же придётся ответ держать перед собственной благотельницей.

– Ну разумеется, ты как всегда прав. Будет опять масса нареканий в мой адрес.

С этими словами, тяжело вздохнув, Андрей поднялся, естественно, не без дяди Колиной помощи. Оставив рюкзак неподвижно лежать на полу, он побрёл вдоль унылого коридора или, точнее, – расщелины в скале, ведущей напрямую к медпункту. Стены тоннеля были скупо оборудованы тускло горевшими факелами, расставленными на более значительном расстоянии друг от друга, чем это полагалось для нормального освещения. Медицинская комната находилась

в самом его конце.

Он открыл тугую скрипучую дверь и вошёл внутрь. Посередине стоял стол довольно внушительных размеров, с множеством размещённых в нём всевозможных ящиков и перегородок. В прошлые разы его посещений такого безобразия здесь явно не наблюдалось. Хотя на столе и лежала уйма предметов различного назначения, на нём оставалось ещё много свободного места, вероятно оставленного для чего-то более важного. Чуть поодаль, возле стены, находилось два стула, установленных сидениями друг напротив друга. Такое бестолковое их расположение наглядно свидетельствовало о некоем рабочем беспорядке, частенько присутствовавшем здесь в беспокойные времена нападений злобных хищников. Дальше, уже возле другой стены, располагался знакомый стеклянный шкаф, наполненный изобилием всяческих микстур, таблеток и банок, очевидно, крайне необходимых для возвращения должного здоровья всем пострадавшим в кровавых переделках.

«Добротный склад тут организовали, – с некоторой долей сарказма подумал вошедший экспедитор. – Понатаскали разного барахла отовсюду, что простому смертному и за неделю не разобраться. И как только Лена со своими баночками здесь управляется? Хотя если знать, как оно всё делается, то, конечно, можно освоиться».

Неспешные мысли Андрея, и без того немало повидавшего на своём веку, были оборваны неким невесёлым обстоя-

тельством, поразившим его до глубины души, введшим в состояние даже лёгкого оцепенения. В самом углу комнаты он увидел лежащего на кушетке человека, руки и ноги которого, а также и грудь были прочно зафиксированы с помощью крепких ремней безопасности. Судорога пронизывала всё его тело, заставляя лихорадочно содрогаться. Слабо издавая какие-то нечленораздельные звуки, тот выпускал изо рта пену, идущую оттуда большими пузырями. Глаза были широко открыты. Их взгляд выражал полную безучастность, соответствующую нехорошему состоянию их владельца, так, что представить себя на его месте хоть на мгновение было страшно. Они выглядели слишком уж красными, будто ещё гуще наливались кровью, при этом норовили вылезти из собственных орбит.

Лены, несмотря на видимую обстановку дел, на месте не оказалось. Однако уже дальше, в смежной комнате, вполне отчётливо прослушивались какие-то тихие и спокойные голоса.

– Тут есть кто-нибудь? – Андрей прокашлялся, будто таким способом давал понять, что зашёл сюда не просто так.

– ...Нужно будет ещё антибиотиков и сульфаниламидных препаратов, – раздавался издали приятный женский голос. – В следующий раз пойдёшь – не забудь обязательно забежать, я тебе даже список напишу, чего нам действительно не хватает.

То была Лена, ростом – чуть выше среднего, тонкая

и стройная, в белоснежном халате. Она вошла в комнату, где её и дожидался Андрей. Вслед за ней вышел какой-то незнакомый молодой человек, держа полупустой рюкзак из грубой мешковины, прихватив его за горловину мускулистой рукой.

– Хорошо-хорошо, Леночка, – быстро проговорил он, смотря на неё во все глаза и как бы виновато перед нею оправдываясь. – В следующий раз непременно зайду. Ради такого случая как к вам не пожаловать. Эдакое взаимопонимание не часто встретишь в нашем мире.

Тут мужчина осторожно покосился на Андрея, подозрительно оглядел его с головы до ног, однако после протянул руку для приветствия.

– Как экспедиция? – чисто машинально поинтересовался он, сразу намереваясь проследовать к двери и покинуть помещение уже окончательно.

– Нормально, бывало и хуже.

Андрей лишь удивлённо обернулся вслед, желая продолжить начатое общение, но тот, не слушая нового знакомого, исчез и, по видимости, очутившись за порогом, уже шёл по коридору прочь.

– Заждались тут тебя... Однако куда это ты запропастился? Жаль будет потерять такого хорошего экспедитора, – полушутливым тоном сказала Лена, едва заметно улыбнувшись лишь уголком рта, в то самое время легко, но необычайно пристально заглянув ему в лицо.

Веки её раскрылись, являя в свет большие карие гла-

за, тонкий пронзительный взор которых устремился глубоко внутрь, забираясь точно в душу, достигая глубин самого сердца. Такое действие могло походить на какую-либо ответную реакцию, выразившуюся в её лёгкой иронии или насмешке, так неуместно здесь представленную за явным недостатком слов и вызванную проявлениями излишнего внимания к своей загадочной внешности. Однако уже через секунду она сидела за столом и лишь изредка плавно хлопала ресницами, созерцая большую замасленную тетрадь, открыв её на требуемой странице, и быстро, почти автоматически, отыскав там нужную регистрационную запись.

– Ну, давай, проходи, присаживайся, посмотрю на тебя, – выдала она наконец, спустя какое-то время.

Андрей взял у стены стул и сел на него, не отводя взгляда от улыбающейся, доброжелательно настроенной Елены, всегда поражавшей его ощутимым спокойствием, уверенностью и одновременно некоторой непринуждённостью. Её длинные светло-русые волосы были сведены назад, зафиксированы вместе большой заколкой-крабом. Они будто излучали какое-то уже собственное свечение, хотя на самом деле это было лишь отражение яркого света факелов, расставленных по периметру комнаты. Изначально предполагалось, что Лене было всего двадцать – двадцать пять лет, но в действительности ей исполнилось уже тридцать. Лицо выглядело небольшим, с маленьким ртом и тонкими губами, и на фоне его глаза казались ещё больше. Это нисколько её не пор-

тило, а наоборот – смотрелось обворожительно и необычайно привлекательно. Андрей невольно залюбовался такой её красотой. Впрочем, как ему думалось, ею восхищались все без исключения мужчины в посёлке, а может быть – и далеко за его пределами.

Лена вышла из-за стола, подошла ближе и в очередной раз внимательно посмотрела ему в глаза.

– Белки чуть красноватые, – загадочно произнесла она, достала из-за спины небольшое приспособление, после приставив Андрею к животу.

Прибор яростно и эффектно затрещал, разрываясь от собственного звучания, отразившегося от стен комнаты громким насыщенным эхом.

– Ну вот и ладненько. Показания лучше, чем в прошлый раз.

Лена убрала устройство в карман, вернулась обратно за стол и принялась что-то усердно записывать в своей тетрадке. Закончив, она достала из ящика небольшой стеклянный флакончик с лекарством и протянула его Андрею.

– Вот, будешь принимать утром и вечером по одной капсуле в течение недели. Это снимет рвотные рефлекс и другие нежелательные последствия перехода.

– Хорошо, как скажешь... – весело согласился он, вставая с готовностью со стула и собираясь незамедлительно проследовать к выходу.

Лена явно возмутилась принятому им подобному реше-

нию.

– Да посиди ты со мной хоть немного, – молвила она мягким голосом, успокаивая, взяв его за руку. – Куда убегаешь? Необходимо ещё кое-что сделать. Или ты не помнишь всей своей процедуры реабилитации.

Тут она встала и подошла к стеклянному шкафу, на полке которого лежал пистолет с заранее приготовленной в нём ампулой. Андрея передёрнуло только от одного вида такого средства медицины, какое представляло это знакомое устройство. Нельзя было сказать, что действие его являлось особо болезненным либо пугающим, но он просто рефлексивно не мог терпеть никакие уколы, ни в каком виде их не переносил, однако всё же, переборов себя, «мужественно» закатал рукав куртки. Стараясь чем-нибудь отвлечься от эдакой, как ему виделось в тот момент, страшной экзекуции, Андрей попытался продолжить разговор и далее, на любую тему, пускай совершенно не относящуюся к реальной действительности, спрашивая её без необходимой на то весомой причины:

– Что же это приключилось? С тем экспедитором, который лежит у тебя на кушетке? – он указал рукой на человека в углу комнаты. – И почему его личность не кажется мне знакомой?

– Ты сам будто не знаешь? – отвечала она, нажимая кнопку пистолета, моментально приставленного к плечу её подопечного так, что тот толком и сообразить не успел, как

данное устройство очутилось около него. – Всё как обычно: здесь грызуны поработали. Видишь, повязку ему наложила. Этого незнакомца я тут и сама впервые вижу. Возможно, из близлежащего посёлка прибился. Но наши охотники всё равно не оставили его без внимания, да и я в силу своих обязанностей не могла отказать в помощи и не обработать рану.

Действительно, у больного была надорвана правая штанина, и оттуда выглядывал большущий кусок ваты, обильно пропитанный лекарством жёлтого цвета, который в свою очередь был туго привязан бинтом к голени. Его ещё подёргивало, хотя уже не так сильно, как раньше. Теперь пострадавший лежал молча, плотно сжав зубы, впрочем, так до сих пор не соизволив закрыть глаза, страшно при этом отворачивая взгляд в сторону.

– Ничего, через полчаса отойдёт. Я вколола ему сыворотку. Очень жаль, но грызун всё же успел впрыснуть ему свой яд. Ты разве не помнишь, как сам так лежал?

«Да уж, конечно, такое навряд ли забудешь», – подумал Андрей, ощущая теперь и сам то скверное ужасное состояние, в каком он находился недавно весной, когда и случалось обострение активности этих паразитов. В тот момент будто вся жизнь пронеслась у него перед глазами. Было беспокойно и страшно. У Андрея даже заныл левый бок, словно напоминая ему о недавно произошедшей трагедии. Тогда ситуация выглядела намного серьёзнее. Но его спасли.

– Да, и не забывай принимать таблетки, если не хочешь

более худших последствий, – предупредила его напоследок Лена. – Завтра зайдёшь – поставлю ещё укол. И очень тебя прошу не уклоняться от этих необходимых предписаний. То ведь сам знаешь, что пренебрежение правилами может закончиться весьма печально.

Он сразу, словно испугавшись её предостережений, открыл стеклянный пузырёк с лекарством, сняв с него пластмассовую крышечку, извлёк оттуда капсулу, положил на язык и, не запивая водой, проглотил, чувствуя, как та не торопясь проходит по пищеводу в желудок.

– Водички дать запить? – побеспокоилась Лена, шутливо улыбаясь уходящему экспедитору вслед. – Подавишься ещё...

– Спасибо не надо, – сухо проговорил он и вышел в коридор.

«Симпатичная девушка, – размышлял он дорогой. – Почему только не замужем – непонятно, но если бы она захотела... – тут мысли в его голове начали путаться. – Рискнуть и завести с ней небольшой роман. Лена вполне хороша собой, да и моё отношение к общению – свободное. Впрочем, я для неё очередной пациент, не заслуживающий какого бы то ни было особого внимания. Но потом, впоследствии, можно будет и попробовать, ничего страшного в этом я не вижу».

Андрей не заметил, как вошёл в зал, где его нетерпеливо дожидался Николай. Тот занимался лишь тем, что ловко закручивал крышку своей очередной пластиковой бутылочки

с содержимым подозрительно прозрачного цвета, от которого и так ничего не осталось. Заметив Андрея, он предусмотрительно-заботливо спрятал её за пазуху.

– Я думал, что ты никогда не вернёшься, – улыбаясь, сказал он, принявшись сразу протирать платочком очки. – Хотел было уже идти за тобой, спасать от чар нашей прекрасной Елены.

Андрей немного смутился от такого высказывания, став тотчас красным как рак.

– Ты бы не пил больше, дядя Коля, а то жена опять будет из дому выгонять... – вздохнув, пробурчал он в ответ, желая поскорее переключиться на другую тему для разговора, замечая попутно взглядом одноразовый стаканчик, наполовину заполненный непонятной прозрачной жидкостью, вероятно, той же самой, какая находилась в бутылке.

Стаканчик одиноко стоял на столе, как и положено чуть поодаль от своего истинного владельца, чтобы своим провокационным видом не вызывать нежелательных подозрений.

– Она – меня?! Да я скорее сам её выгоню! Эх, если бы ты знал, Андрюша, как она мне надоела, хуже собаки. Сил моих больше не осталось её терпеть.

Николай взял стаканчик в руки и, крикнув, принял в себя налитое его содержимое, после чего закрыл нос и рот рукавом куртки.

– Сам-то не желаешь выпить после перехода? Водка настоящая, не суррогат. Все токсины выгонит, даже и не заме-

тишь.

– Нет уж, спасибо. И так еле на ногах стою. Давай уж завтра, когда отдохну, высплусь, как следует... Ты лучше расскажи, какие события происходили тут без меня.

Андрей нагнулся за рюкзаком, который оказался слишком уж неподъёмным, таким, что наш отважный экспедитор кое-как взвалил его себе на плечи. У него аж потемнело в глазах.

«Как я рюкзак-то донёс, не понимаю, тяжесть неимоверная? Наверное, какие-нибудь сверхъестественные силы в очередной раз помогли мне его дотащить, – злорадно посмеялся он над собой. – Хорошо же Палыч, однако, позаботился, так сказать, постарался, облегчив мне его наполовину. Без его помощи я бы уж точно не добрался бы до дому, не пересёк эту чрезмерно оживлённую местность с грызунами, как грибами после дождя рассаженными на ней в каждом кусту. Чего, правда, в этот год их так много развелось?»

Когда у Андрея в голове прояснилось, и ход мыслей вернулся в правильное русло, он, наконец, услышал, что Николай уже всю что-то оживлённо и красноречиво ему толковывал:

– ...И вот она, испытывая непреодолимое желание сделать мне подлость, что есть дури бьёт меня сковородой по голове! Хорошо, что это у неё получилось не очень сильно. Как ты себе такое представляешь? Напилась сама до невменяемости, а я ещё и виноватым остался?! Нет, сегодня я домой и сам не пойду. Надоело мне уже, пусть живёт, как хочет.

Ухожу я от неё однозначно.

– Да, конечно, так и нужно сделать, – поддерживая разговор, устало согласился Андрей, зевая во всё горло. – Давно надо было, раз такое дело у вас творится. Как подобное можно терпеть?

Андрей знал, что Николай от своей жены уходить вовсе не собирается, так как все изложенные факты происходили у них далеко не в первый раз. И время от времени Николай, как обычно такое бывало, жаловался на выходки собственной супруги по тому или иному обстоятельству их совместной семейной жизни.

Глава 2. Посёлок

Некоторое время спустя как никогда понимающие друг друга наши хорошие приятели двинулись в свой неблизкий путь единственной дорогой, протянувшейся тёмной извилистой лентой точно между отвесными выступами скал. Лишь изредка фигуры путников озарялись тусклым светом керосиновых ламп, закреплённых невероятным образом прямо тут же, в углублениях и трещинах причудливых туннелей. Огромные, свисающие сверху сосульки белого известняка, казалось, своей тенью цепляли их острыми краями за макушки, проходили поверх человеческих голов, словно большие ножи, скользящие сквозь сливочное масло, будто бы чуточку, лишь на мгновение, прикасаясь к ним в действительности, привольно перебирая волосы лёгким движением ветра. Дорога вела напрямую под землю, в ту её особенную часть, где и пыталась укрыться от опасностей внешнего мира, более или менее обустроить свою жизнь, оставшаяся немногочисленная группа их соплеменников, наперекор неприятностям продолжавшая бороться за существование в этом страшном суровом мире.

Но люди, обитавшие внизу, по крайней мере, двое из них, возвращающихся обратно, вовсе не унывали от такого печального положения дел, а скорее напротив, пребывали в достаточно возбуждённом и радостном состоянии. Николай,

немного прихрамывая, старался, как виделось ему в тот момент, помочь Андрею нести его тяжёлый походный мешок. Хотя со стороны подобные действия выглядели совсем наоборот, и уже Андрей вместе с рюкзаком тащил на себе подвыпившего дядю Колю до дому. Тот давно снял свою кепку и, удерживая её между пальцами, оживлённо размахивал ею в разные стороны, перекладывая по мере надобности из одной руки в другую, а заодно и пересказывал попутчику все собранные им сплетни и слухи, возникшие за время его отсутствия.

– И вот, пока ты благоволил шарахаться по разным злачным местам нашего мегаполиса, Оксана неприличными вопросами меня извела совсем. Ты не согласишься! Бегают ко мне каждый день, да не по разу. Как за правило взяла. И что самое главное – всё курит и курит. Ты ведь знаешь, что после того как я бросил курить, я совершенно не могу переносить дыма этих злосчастных сигарет. Просто всего наизнанку так и выворачивает, – Николай начал изображать, как данный факт стал ему неприятен.

– И какими это вопросами, интересно, она тебя мучает последнее время? – иронично полюбопытствовал у него Андрей, почёсывая затылок и посмеиваясь над ним себе под нос. – Уж не хочет ли она случаем предложить тебе чего-нибудь эдакого непристойного?

– Да бог с тобою! Оксана просто таким образом мужа своего искала. Как ты ушёл, тот два дня дома не показывался, –

быстро в оправдание выкрикнул Петрович, с испугу махая от смелого предположения руками. – Вот она его и вылавливает. А я и знать не знаю, куда он подевался. Бегаёт, ругается на чём свет стоит, а что поделаешь, если он таков и есть. Весь посёлок кверху дном перевернула: где он да что с ним? Видели того в баре сначала – так Людмила твоя сказала, сам уж придумывать не смею. Затем у Натальи в гостях пропадал, поговаривают. А та, само собой, отрицает всё. Здесь Оксана, наверное, накрутила себе больше. Потом ещё где-то, я уж в подробности не вдавался. Это всё мать ей на мозги капает. Оксана слушает её, сам вероятно в курсе, как не бог весть кого. Да и характер не сахар – так уж вообще плохо делается. Ты же знаешь Оксану, она заполошная, что если задумает – уж никакими силами переубедить невозможно, – тут Николай ухмыльнулся и уверенно переместил кепку из правой руки в левую. – Ещё в прошлый раз, спасаясь от неё, тот в бочку из-под воды залез. Обнаружила ведь! А сейчас два дня уже ищет, не может его отыскать. Вот ведь как оно получается.

– А что если действительно с ним что-нибудь плохое произошло? – обеспокоенно предположил Андрей, в изумлении поднимая глаза на собеседника.

– Ха, да куда он, небось, денется! Сидит с какой-нибудь очередной компанией да водочку попивает, – уверенно выразился так Николай. – Не в первый раз такое дело.

– Ну а охотников она спрашивала? Может куда с ними подался?

– Так ведь никто ничего толком-то и не говорит. Или не знают, или скрывают, памятуя характер Оксаны, что потом сами крайними и останутся, – Николай тут ненадолго задумался, а затем мрачно прибавил: – Навряд ли он куда-нибудь из посёлка денется, особенно сейчас, в такое время. Иное, мягко сказать, было бы просто неразумным.

– Да и пусть себе гуляет. Перебесится – после всё нормально будет, – вознамерился заверить его Андрей.

– Вот и Оксана второго ребёнка хочет завести, чтобы как-нибудь мужа своего образумить. А тому всё равно. Мама, естественно, против высказывается. Говорит, что ежели сейчас ему на них наплевать, и на неё, и на ребёнка, то как только будет ещё один, он уж совсем на шею сядет. Это я, к примеру, могу пьянствовать, жизнь свою прожил, а ему всё равно как-то надо брать себя в руки. С другой стороны – они его просто достали своими придирами. Поливают грязью с головы до ног по всему посёлку. Кто же такое способен выдержать? – Николай обречённо вздохнул, возвращая измятую кепку обратно на голову. – Сложная ситуация, без пол-литра точно не разберёшься.

Далее друзья неожиданно притихли и шли молча, видимо собираясь с мыслями, ни о чём особо не разговаривали, пока тема для их непосредственно-близкого общения не нашлась сама собой.

– Домочадцев моих не проводывал случайно? – поинтересовался Андрей с чувством крайне возникшего беспокой-

ства, таким вопросом явственно выказывая заботу об оставленных ближних. – А то, как они тут без меня обходились? Хотя прошло не так и много времени, но всё равно волнительно. Сам ведь знаешь.

– Конечно знаю. Вполне понимаю. Заходил, естественно, как не зайти, – со знанием дела отвечал Николай. – Всё хорошо: мать и сестра живы, здоровы. Напоили меня чаем, а я конфеты принёс. Сам не желаешь конфетку отведать, а то они на всякий случай у меня всегда с собой? – посмеявшись, предложил он, и, не дожидаясь ответа, сунул несколько карамелек Андрею в карман.

– Да мне-то зачем?! Не нужно, не люблю я сладкого! – запротестовал было тот, пробуя вернуть гостинец обратно. Но видя, что из этой затеи ничего толкового не получится, он прекратил безуспешные попытки, оставив конфеты в кармане.

– Спасибо, что навестил их, дядя Коля, – поблагодарил он напоследок, в завершение всех проводимых манипуляций.

– Ой, да какие проблемы? Посидели, чаю попили, о тебе поговорили. Мог бы даже и не спрашивать. Не первый раз такое дело. Я ведь всегда знаю, когда ты уходишь...

Они ещё долго говорили о разных, не существенных в данный момент событиях, жизненных мелочах и проблемах, о которых часто любят рассуждать люди, чтобы по обыкновению скоротать время, находясь в процессе какого-нибудь долгого и нежелательного занятия. Ведь Нико-

лай был крайне одиноким человеком, хоть и сам определился пребывать возле своей скандальной сварливой жены, подобно тому как нитка прочно сидит в иголке. Так или иначе, но он всеми силами стремился в полной мере обрести в её лице некую дружескую поддержку. Сам того не замечая, Николай сильно привязался и к Андрею, испытывая в отношении него в какой-то степени полноценные родственные чувства. Андрей даже и не думал противиться этой тёплой его восприимчивости, а скорее был искренне рад иметь такого хорошего старшего друга, с которым можно было всегда посоветоваться, да и к тому же просто по-приятельски поболтать. Ведь родных детей у Николая не было. Младший из двоих сыновей трагически погиб на охоте, когда их отряд наткнулся на многочисленное скопище грызунов около посёлка, и спасти его не представилось возможным. Другой пропал уже в самой экспедиции. Уходя в Город, он просто не вернулся назад, как это происходило почти со всеми снабженцами в конечном итоге. Возможно Николай и тешил себя некоторой надеждой на то, что старший сын всё-таки объявится когда-нибудь, но почему-то с каждым годом таких иллюзий у него становилось всё меньше. Потерю должен был кто-то восполнить, и вся забота и внимание с его стороны доставались исключительно Андрею, единственному близкому человеку такого подходящего молодого возраста.

За разговорами приятели не заметили, как вышли из очередного угрюмого сумрачного туннеля на открытую мест-

ность, преодолев, кстати, довольно значительное расстояние. Посёлок располагался в низине подземного плато, со всех сторон окружённого высочайшими, скрывающими его истинное положение отвесными скалами. Путники находились внутри огромного, хорошо укреплённого периметра, достойно служившего убежищем для такой, чудом уцелевшей немногочисленной группы людей, защищённых естественным образом от ужасов внешнего мира. Иногда, правда, в их обитель наведывались летучие мыши, выискивая, чем поживиться, но подобное их нападение не представляло особой проблемы для охотников, дежуривших на своих постах круглыми сутками. Грызуны же пробраться сюда не могли по причине неумения перемещаться по воздуху, как их ближайшие сородичи, упомянутые выше. Да и собственно большего рвения от этих тварей ожидать было трудно, так как вся техническая оснащённость посёлка позволяла жителям чувствовать себя вполне свободно, тем более что активность остальных злобных хищников отмечалась значительно меньше.

Андрей на секунду остановился, осматривая окрестности с небольшой высоты. Посёлок предстал пред ним как на ладони. Повсюду горели костры, освещаая тусклым призрачным светом маленькие убогие хижины, церковь, бар, больницу, другие общественные строения, служившие различным целям, но в совокупности выполняющие единое дело по обеспечению и поддержанию жизни в посёлке. Здания,

почти все, так или иначе располагались вокруг небольшого подземного озера, служившего источником столь необходимой людям чистой воды. Теперь лишь нужно было как можно быстрее спуститься с этой небольшой горки по тропинке вниз, чтобы попасть домой. А там до родной лачуги будет и рукой подать. Друзья, конечно же, поспешили продолжить движение, утопая ногами в мягком песке, старавшемся затянуть их в свои объятия.

Довольно скоро наши путники, усталые, но довольные, оказались возле этого блистающего ровного озера, подобно огромному зеркалу растянувшегося по всей площади обозримого пространства вокруг. Вода в нём переливалась красноватыми отблесками – отражением горевших костров, словно лучиками проступивших шероховатых неровностей, игры искривления и преломления света, некоего завораживающего причудливого узора, созданного природой для истинного восхищения ею. Проплывали, проступали из тумана знакомые до боли ветхие домики соплеменников, сооружённые в основном из камней, чередуясь со стволами деревьев, сухой травой, остатками шкур животных и прочего ненужного мусора. Оград или заборов, хоть как-то разделяющих одно хозяйство от другого, не наблюдалось. Впрочем, этого и не нужно было. Люди тут хорошо знали друг друга и доверяли любому жителю посёлка, так как существовали совместно.

На улице становилось пустынно. Хозяева, должно быть,

находились в собственных хижинах и занимались какими-нибудь неотложными занятиями. Рыбаки готовили снасти к завтрашней ловле либо потрошили рыбу для засолки и дальнейшего хранения. Охотники точили ножи, топоры, стрелы арбалетов. Земледельцы раскладывали возле жилищ для просушки клубни и корни растений, чтобы продать или обменять их на небольшом рынке. Мясники разделяли туши животных, разделяли по частям шкуру, мясо, кости, внутренности.

– Эй, Петрович, здорово! – прокричал издалека чей-то звонкий голос, столь бесцеремонно обратившийся к Николаю.

Тот поднял руку в знак приветствия, повертел головой туда-сюда, пытаясь оглядеться и определить, откуда именно доносится такая речь. Но ничего толкового так для себя не отметив, махнул рукой и с нескрываемым сожалением направился дальше.

Андрей же остановился. Обернувшись назад, он увидел, что вдалеке начал прорисовываться женский силуэт, который достаточно быстро, можно отметить – с невероятной скоростью – приближался именно к ним. Как определил наш экспедитор – это была та самая Оксана, которой они с дядей Колей дорогой перемыли все косточки. Если судить по внешности, то на первый взгляд она могла показаться девушкой вполне обычной, лет тридцати, невысокого роста, но довольно крепкого телосложения. Лицо её выглядело несколько

смуглым с чуть выступающими веснушками. Волосы были коротко подстрижены и виделись в приятном каштановом свете, но, к сожалению, отсвечивали ещё каким-то нехорошим светло-рыжим оттенком. Однако если присмотреться к ней поближе и мало-мальски с нею пообщаться, то сразу выявлялись некоторые странности в её поведении: спешность при разговоре, беспричинная суетливость, беспокойство, возможно, неудовлетворённость сложившимися обстоятельствами, а также постоянный страх остаться без необходимых средств к существованию. Даже в одежде её чувствовалась какая-то излишняя предусмотрительность. Несмотря на то, что в посёлке почти не ощущалось холода, на ней были надеты тёплая куртка-ветровка, тяжёлые ватные штаны и кожаные зимние ботинки на прочной толстой подошве.

– Привет, Андрюха! – немного запыхавшись, сказала она. – Только что из Города объявился? Что-то поздновато для такого твоего возвращения! Где же ты задержался, позволь полюбопытствовать?

Естественно, не дождавшись от него чёткого вразумительного ответа, либо больше от своего врождённого нетерпения, либо от желания поделиться с ещё одним встреченным ею знакомым собственными искренними переживаниями, которые необычайно сильно переполняли в тот момент всё её сердце и душу, она, негодуя, продолжила:

– Ты знаешь, что мой муженёк аж целых два дня дома не ночевал! Вот же скотина какая! Сегодня под вечер только

объявился. Тебе дядя Коля, наверное, всё рассказал. Вообще обнаглел, прямо не знаю, что с ним и делать.

– Ага, я же говорил, что он никуда из посёлка не денется, а ты всё беспокоиться изволишь, – воротившись назад, тут же вмешался в разговор Николай Петрович. – Сама-то чего так поздно на улице делаешь? Опасно сейчас так вот запросто по вечерам выходить.

– Да вот, думала вас встретить. А то мой суженый наконец-то уснул, – не торопясь отвечала она. – Что я буду дома одна сидеть? Хотела ещё к Любашке зайти поболтать.

Оксана достала сигарету, затем закурила, много раз суеливо чиркая зажигалкой в темноте.

– Знаешь, Андрей, а ведь, говорят, скоро конец света наступить должен! Ничего об этом не слышал? – на эмоциях провозгласила она, выпустив очередную порцию дыма. – Не наблюдал по дороге каких-нибудь там изменений, предзнаменований, в конце концов, возникших из ниоткуда? Может в Городе чего необычное появилось?

– Чего это ты вдруг этим заинтересовалась? – удивлённо-настороженно спросил её тот, однако после, видимо опомнившись, спешно и возмущённо прибавил: – Да какой конец света, Оксана! Кто тебе подобное мог сказать? Всё стоит на своих местах, как и положено.

– Вот-вот, она такими вопросами мне уже все уши прожужжала, – громко произнёс Николай, показывая в её сторону с чувством необычайной скорби на лице, будто именно

в этом и заключался весь смысл его дальнейшего существования. — Как только у неё на болтовню сил хватает.

— Нет, ну а всё-таки? Что вы по этому поводу думаете? Ведь наверняка, состоите в курсе происходящего, — тем не менее не унималась она, но, поглядев на недовольные лица собеседников, всё же отступила. — Ну хорошо, хорошо, спрошу уж у кого-нибудь другого, ежели ко мне такое отношение испытываете.

Однако её любопытство продолжило неистовствовать и далее, завлекая подключаться уже в иную область расспросов:

— А что ты принёс, Андрей? Наверняка нечто полезное? Вон рюкзак забит под завязку! Давай наймём экспедицию до ближайшего поселения, а я ещё чего-нибудь эдакое раздобуду. Хороший обмен можно сделать. С соседями как раз торговать нужно, и выручка неплохая получится.

— Опять ты о своём! Завтра поговорите, а то, видишь, Андрей сильно устал с дороги, — хитро улыбнувшись, вступился за него Николай. — Ему бы отдохнуть нужно, выспаться как следует, а ты так сразу на него и насела.

— Хватит тебе, дядя Коля, ворчать. Мы и тебя с собою возьмём, если хочешь, за компанию. Всё равно как-нибудь да пригодишься, — тут она понадеялась немного его успокоить, но этим разозлила ещё больше.

— В качестве кого, интересно? — усмехнулся тот, совсем уж подозрительно отнесшись к подобному её высказыванию. —

Пойдём-ка Андрей лучше домой, а то утром и впрямь нужно вставать пораньше. К чему нам слушать такие несносные речи.

– Хорошо, Оксана, давай уж, действительно до завтра отложим все дела. А то сейчас поздно, и я очень плохо соображаю, – с явным трудом выговорил он, признательно посмотрев на Николая, чувствуя, как усталость медленно и неотвратимо расплзается по всему его телу.

– Ну и правильно! Потому что ходишь один. Вот если бы вместе с кем-нибудь, да ещё полной экспедицией, тогда было бы намного легче...

Андрей повернулся в сторону Оксаны, хотел чего-либо добавить в своё оправдание, но, к сожалению, такую интересную особу уже не увидел. К удивлению многих за ней вошло это необычное свойство, часто происходившее с её организмом в целом. Каким-то странным, неведомым образом она просто исчезла с поля зрения, хотя находились они определённо на открытой местности. Куда-либо скрыться, забежать, например, за скалу, спрятаться в пещере либо войти в дом она не могла по причине элементарного отсутствия таковых укрытий поблизости. Её, как говорится, и след простыл.

«Просто мистика какая-то, – размышлял Андрей, следуя за идущим впереди Николаем. – К её внезапному исчезновению мне никогда не привыкнуть будет. Как ловко это у неё получается».

Догнал он дядю Колю только возле своего дома. Тот довольно-таки проворно для своего возраста и состояния убежал далеко вперёд, на слишком уж приличную от него дистанцию.

– Хорошо. Отдыхай, как следует. Завтра зайду обязательно тебя навестить, – обратился Николай к нему напоследок, медленно, точно заклинание, проговаривая слова. – А я ещё к Василию заскочу на чуток. Поговорим с ним о том о сём...

«Ох уж, знаю я все ваши разговоры, – думал Андрей, направляясь напрямик к своей хижине. – Ищите с кем бы выпить, Николай Петрович!»

Однако он остановился на минуту и посмотрел уходящему старику вслед. Тот, прихрамывая, не торопясь, шёл по тропинке вперёд, удалялся от него всё дальше. Андрею в очередной раз стало не по себе. Ведь все дяди Колины эмоции выглядели неестественно: откровенно острые шутки, громко поставленный голос, показной смех – и в глубине души он оставался грустным и несчастным человеком. И пил-то Николай в основном больше от одиночества. Он вполне мог бы сидеть дома, как, к примеру, его друг Василий, но подобное решение было бы явно не в его характере. И дело заключалось даже не в материальной заинтересованности. Николай хотел общения, желал что-либо делать, чем-нибудь заниматься, участвовать в жизни посёлка и быть хоть немного полезным обществу.

Андрей зашёл в дом и зажёл лампу. Всё выглядело как

прежде, когда он уходил, и оставалось нетронутым. Справа от двери, у единственного в хижине окна, затянутого плёнкой, находился небольшой деревянный стол с двумя табуретами. Чуть дальше за ним расположилась печка, сложенная из камня, с вмонтированной в неё плитой для приготовления пищи. Рядом с печкой возле стены стояла кровать, безусловно, являющаяся для него сейчас самым важным предметом мебели из всего перечисленного.

Он снял рюкзак, оставив его стоять неподвижно, в углу возле дверей, затем вышел во двор, набрал немного дров, после вернулся и затопил печь. В доме воцарилось ощущение уюта и тепла. Андрей поставил на плиту чайник. Затем принялся разбирать содержимое рюкзака, установив тот возле себя на табурет, начал выкладывать на стол жестяные и пластиковые предметы: несколько бутылок подсолнечного масла, пять упаковок яиц, около двух десятков банок тушёной говядины и зелёного горошка. Достал он и запаянную в упаковке колбасу, уже нарезанную и очищенную, различные пакетики со специями: перец, укроп, петрушку, чеснок. Тут была и головка сыра, щедро облитая воском, сахар-рафинад, немного чая, кофе, и, конечно же, несколько блоков сигарет и бутылок коньяка, имеющих гораздо более высокую ценность, чем все остальные продукты.

Совершенно обессиленный, но удовлетворённый походом, наш успешный экспедитор хотел сразу, как ни в чём не бывало, отправиться спать, но переполнявшее его чувство

голода оказалось сильнее. Он открыл бутылку с маслом, налил немного его на сковороду, стоявшую на плите, добавил, нарезав крупными кусками, луковицу. Чайник уже закипел, и Андрей как можно скорее положил в приготовленную для таких целей банку несколько небольших чистых корней, залил их кипятком, предварительно вылив в помойное ведро испорченное её содержимое. После того, когда лук поджарился до золотистого цвета, он вынул из коробки десяток яиц и разбил их в сковороду так, чтобы желток оставался целым; достал из шкафчика, висевшего напротив, соль, захватил щепотку и дополнил вслед к приготавливаемому продукту, уделяя особое внимание желткам. Также он подсыпал туда и чёрного молотого перца, который только что принёс с собой.

Спустя несколько минут Андрей сидел за столом, предварительно освободив тот от ненужных вещей, и угощался яичницей, ловко орудуя ножом и вилкой, закусывал её ломтём засохшего хлеба, запивал не успевшим как следует завариться отваром. Он обмакивал хлеб в желток, отрезал куски белка, неторопливо поглощал это приготовленное кушанье, получал несказанное удовольствие, наслаждаясь естественным процессом принятия пищи, ощущал, как необходимая жизненная энергия наполняет его, расплзается по всему его телу, оставляя след насыщения и удовлетворённости. Всё это блаженство навалилось на него таким чрезмерным грузом усталости, что он, даже не закончив трапезы, быстро прошёл

до кровати, упал на неё, так до конца не раздевшись, не чувствуя ни рук, ни ног, уносясь куда-то в беспредельные глубины обволокшего его мертвецкого сна. Реальность для него на время перестала существовать.

Сначала перед глазами стояла кромешная темнота, абсолютно полная, настоящая, без каких бы то ни было проблесков света, не позволяющая хоть на немного отслеживать в ней происходящие события. Затем она растворилась, рассеялась, словно туман с наступлением первых лучей солнца. Всё стало ярким и красочным, будто на картине, нарисованной художником на прозрачном стекле. Появился знакомый лес, до боли известный, исхоженный им вдоль и поперёк, смешанный, лиственный-хвойный, с берёзками, осинами и соснами. Встречались также дубы и клёны, но крайне редко, чаще на полянах и пустошах, иногда попадавшихся путнику рядом с протоптанной тропинкой навстречу. Изображение быстро ползло вперёд, наклонялось то вправо, то влево, подёргиваясь от напряжения и периодически обновляясь, словно кадры знакомого кино, однако с ужасно низкой частотой разрешения и характерно полосатой интерлейсной картинкой.

Он понял, что убегает, только вот от кого – точно определить так и не мог. Скорее всего, это был тот самый прокля-

тый грызун-одиночка, поджидавший и преследующий его время от времени, но никак не решавшийся напасть полной силой. Он испытывал его пристальное пожирающее слежение на себе каким-то шестым чувством, непонятным и пугающим, зная, что именно это ощущение заставляет его бежать без оглядки. Резкий взгляд, словно впившийся острый клинок, так и пронзал его между лопаток холодным веяньем близкой кончины. Хотя сегодня можно было легко и свободно передвигаться, и рюкзак не казался таким уж тяжёлым, нежели в обычные дни, тем более там практически ничего не лежало, кроме нескольких блоков несчастных сигарет, добытых им не совсем нормальным путём. В тот день, как иногда случалось, все магазины были закрыты, за исключением одного привокзального киоска, в котором товара имелось незначительное количество, какое он и забрал всё без остатка.

«Не знаю, может другим экспедиторам повезло больше? – мелькнула мысль у него в голове. – Но Город один на всех. Слава богу, хоть это успел взять, и то хорошо. Не с пустыми же руками возвращаться обратно».

Он ещё успевал размышлять о припасах, когда нужно было заботиться о собственной безопасности. Из оружия в кармане лежал только нож, да и то с обломленным кончиком, нарушенный им так в процессе безуспешных попыток получения продуктов питания. Таким же образом он хотел захватить каких-либо иных промышленных

товаров, но и эта затея не увенчалась успехом. Другие средства защиты он не брал с собой в целях экономия места, да и знал, что те окажутся бесполезными при нападении грызуньей стаи в полном составе. Подтверждая сказанное, сзади раздался разрывающий тишину звериный рёв, заставив невольно обернуться назад. То, что он увидел и почувствовал – были огромные клыки хищника, вонзающиеся ему прямо в плечо. Повеяло смрадным дыханием – ледяным холодом смерти, исходявшем от этого злобного существа, пытавшегося свалить его на землю, а затем уже там, не торопясь, прикончить совсем. Боль пронзила всё его тело, будто поразила разрядом электрического тока, невольно заставив перейти к активным решающим действиям.

Наверное, грызун промахнулся, желая вцепиться повыше, куда-нибудь в область шеи, таким образом сломить сопротивление ударом мощных широких челюстей. Но человек на удивление оказался проворнее и, изловчившись, моментально воткнул обидчику в грудь оставшийся кусок ножа. Удар был такой силы, что сумел, к счастью, пробить крепкую шкуру животного, погрузиться в мясистую плоть и излить наружу алую кровь, хлынувшую из образовавшейся раны буквально ручьём. Хватка грызуна ослабела, и тот моментально отпрыгнул в сторону, решительно отползая от места атаки, а затем и вовсе убежал прочь. Человек попытался догнать грызуна, но не смог, так как собственная рана выглядела намного серьёзнее, чем он предполагал это в яростном

порыве битвы. Он вынужден был волей-неволей останавливать кровь.

«Эх, не везёт мне сегодня! Мясо прямо из рук выскользнуло. Бывают же такие неудачные дни», – думалось ему, принявшемуся ещё и иронизировать. Путник вытащил из походного мешка кусок тряпки и крепко-накрепко затянул им плечо.

Но не повезло ему ещё куда сильнее, когда, пройдя несколько сот метров от места произошедшей схватки, он обнаружил мелькнувшую на горизонте аж целую стаю этих злобных хищников, как будто только его и дожидавшихся здесь. Грызуны бросились к путнику с разных сторон, повалили на землю, начали словно растаскивать его по кусочкам. Однако совсем добывать они его почему-то не стали. Только зловеще стояли, склонившись над телом, уткнувшись вытянутыми мордами прямо в лицо, будто дышали весенним ветром, тихонько подвывая, пели так ему свою прощальную песню.

К удивлению, он начал будто улавливать смысл такой музыки. Речь точно записывалась в его подсознание, как на магнитофонную ленту, становилась громче и отчётливее, заставляла вслушиваться в неё и понимать сказанное, подчиняться навязываемой воле.

«Быстрее, клади его на носилки! – чудились крики, звеневшие в ушах, словно набат колоколов. – Мы ещё успеем его спасти!...»

Далее опять проступила тьма, всё более нарастая и усиливаясь, всецело вбирая в себя оставшееся сознание, не успевшее должным образом сформироваться; принадлежащие ему потерянные мысли, упущенные из-под вразумительного контроля и, возможно, ушедшие из памяти уже навсегда.

Глава 3. Полковник

Николай же тем временем продвигался всё дальше, ближе к окраине посёлка, желая попасть в гости к своему давнему приятелю Василию. Мимо проплывали едва различимые контуры домов, всё расплывалось перед его глазами как в дыму, но он знал, куда шёл.

– Собственной супруге я показываться пока точно не буду, – говорил он сам себе вполголоса. – А то и взаправду, моя благоверная ещё прибьёт так меня чем-нибудь невзначай. Да и полковник должен быть дома, куда уж ему старому деваться! Живёт за околицей один-одинёшенек, как сыч на своём болоте. Уж у него-то всегда можно остановиться.

Вскоре на горизонте начали прорисовываться смутные очертания полковничьей избышки, выглядывающей впереди, будто из тумана, с пылающим рядом огнём костра. Николай подошёл ближе и увидел самого хозяина, сидевшего тут же, помешивавшего что-то деревянной ложкой в котелке. Василий, приметив гостя, поднялся с бревна, на котором сидел, и встретил Николая уже на ногах, раскачиваясь от волнения назад и вперёд, удерживая по привычке руки за спиной. Он оказался высоким объёмным старичком лет семидесяти, широким в плечах, с большим животом, который невообразимым образом выпячивался из его туловища подобно мягкому мячику.

Одет был Василий, несмотря на возраст, довольно-таки своеобразно. Снизу виднелись тёмно-серые штаны от когда-то бывшего делового костюма, изрядно потёртые, заношенные и, очевидно, ставшие чуть узковатыми для такого явно выраженного гиганта, коим он, несомненно, являлся в силу ещё крепких физических данных. Если взглянуть выше, то на мощных плечах полковника можно было наблюдать связанный крупной петлёй замасленный свитер, растянутый им до полнейшей неузнаваемости, не сказать что какого-то ярко-красного цвета, каким его помнил Николай, а скорее оттенка тёмно-бордового, принявшего такой вид по истечении времени. Именно эта часть его верхней одежды ещё больше подчёркивала объёмную фигуру Василия, так ставшую похожей на громадный шерстяной клубок ниток. На ступнях же красовалась обувь, несколько не соответствующая наступавшему сезону. Это были некие полуразвалившиеся сандалии, усеянные большими дырами для вентиляции, из которых выглядывали толстые вязаные носки. Видимо действительно подходящей обуви для встречи более суровых природных условий у того, к сожалению, не имелось.

Кажущееся строгим и сосредоточенным лицо Василия вмиг переменялось, просияло таким излучением свежести, сверкнуло блеском в глазах, расцвело проявлением доброжелательности по отношению к посетившему его старому другу, что можно было только поражаться увиденному. Василий, должно быть, уже давно не принимал Николая у себя

в гостях. Басистый зычный голос его раздался как гром среди ясного неба.

– А, Петрович! Никак, зашёл меня навестить? Крайне рад такому твоему появлению здесь, – он сразу протянул ему руку в знак признательности и, дождавшись ответа, продолжил: – Я вот уху затеял сварить из свежей рыбёшки. Достал по дешёвке окуньков, небольших, правда, размером с ладонь. Добавил ещё картошечки да лучку. Думаю, будет вкусно. Как ты смотришь на это дело?

– Да уж, конечно, неплохо ты придумал. Вполне одобряю такую затею, – согласился Николай, наклонив голову набок, щепетильно оценивая внутренности котелка. – Хорошая закуска, должно быть, получится. Видит бог, давненько я ушицы твоей не пробовал!

– Уха знатная выйдет, натуральная, без всяких там примесей, – потирая руки, порадовался приветливый хозяин. – Как у самого дела, рассказывай. Полагаю, что не зря ко мне пожаловал?

– Вот, захотелось провести старого друга, – отвечал весёлый гость непринуждённо. – Иду с дежурства, Андрея до дому проводил, да и до тебя тут недалёко. Стало быть решил заглянуть, узнать, чего новенького происходит. А что, неужели не вовремя?

– У меня-то всё по-прежнему. Только ты ко мне ведь просто так не ходишь. Опять, небось, жена из дому гонит? – Василий хитро прищурился. – Выкладывай, что случилось?

– Да боже тебя упаси! – замахал руками Николай, делая вид абсолютной непричастности к такому предсказуемому предположению. – Я подумал, не мудрствуя лукаво, где-нибудь задержаться подольше, а то она меня вчера сковородкой чуть не пришибла.

– Старая песня! Сам-то ты лучше, что ли, супруги своей?! Как говорится: два сапога – пара. Да и куда ты от неё денешься: всю жизнь, почитай, с ней бок о бок прожил? – неодобрительно высказался Василий, тряхнув головой от недовольства.

– Вот что я тебе скажу, Коля! Ты ведь возрастом меня моложе будешь, так слушай, – продолжал он, словно этими словами намеревался нравоучительно почитать ему мораль. – Ты весь такой, да ещё Андрея сбиваешь с истинного пути, у которого и так в жизни не всё сложилось. Наталья-то его вконец непутёвая стала. Много раз её на стороне видели во время его отсутствия. Хорошо, что он с ней не живёт больше. Но ведь ребёнок остался, его кормить нужно, да сестра малолетняя, и больная мать. Наталья же не работает совсем, а средства на пропитание с него тянет, якобы на содержание, а сама – то в баре, то ещё где, до копейки проматывает всё. Андрей – человек мягкий, ну и кормит её, ради сына, конечно. А куда ж ему деваться? Непонятно только – зачем тащил её сюда за тридевять земель?

Василий тут замолчал на несколько секунд, прокашлялся и, тяжело вздохнув, прибавил:

– Ладно, чего сейчас об этом говорить. Их дело – сами разберутся. Лучше вот покажи, с чем пришёл, то я тебя отлично знаю. Чего там у тебя в куртке припасено, давай, доставай! – он начал слегка играть словами. – Вытаскивай наружу, что есть, я всё вижу, меня не проведёшь! Как обычно, наверное, бормотуха какая-нибудь?

Николай давно прятал руку за пазухой, заботливо придерживал её содержимое и тем самым, несомненно, выдавал себя. Немного помявшись, он извлёк из внутреннего кармана изрядно опустошённую, известную пластиковую бутылочку и протянул её Василию.

– Ну, этого и на глоток не хватит! Вот смотри, чего я сейчас принесу. Специально для такого случая приберёг.

Он немедленно отправился в дом, затем быстро вернулся, держа в руках какую-то странную стеклянную ёмкость тёмно-зелёного цвета, горлышко которой было плотно запечатано пробкой из неизвестного пористого дерева.

– Смотри, Коля, портвейн настоящий, высших виноградных сортов, что ни есть – королевский напиток! – полковник поднял бутылку кверху, торжественно сотрясая ею воздух.

– Никогда подобного и не видывал! – воскликнул Николай с чувством неподдельного восхищения. – Где же ты это сумел раздобыть?

– Один приятель угостил меня, по знакомству, естественно. Сам-то он не употребляет, так оставил мне в знак признательности по давнему делу. Вот мы сейчас его с тобой

и разопьём. Подожди только: я за посудой схожу.

Василий вышел уже с двумя чашками, очевидно слепленными самостоятельно из белой глины и, верно, также собственными силами обожжёнными на костре.

– Вино нужно употреблять из глиняной посуды, тогда вкус его покажется тоньше и приятнее, – произнёс он крайне возвышенно.

– Да ты ещё и эстет, – сыронизировал Николай, вращая в руках полуторалитровую бутыль. – А как мы его откроем, ведь, как мне помнится, штопора у тебя нет? Или приятель заодно и им тебя обеспечил?

– Такое дело труда не представляет, – Василий зажал бутылку, взял веточку и продавил пробку внутрь.

Та хлопнула, насыщая воздух чудесными сладостными ароматами букета оригинальных композиций.

– Вот и все дела. Ни разу так не открывал, что ли?

Василий разлил вино по чашкам, затем взял свою посудину в руки, отхлебнул из неё немного, зажмуривая глаза от удовольствия, словно прислушиваясь к возникающим внутри вкусовым ощущениям.

– Да, напиток настоящих богов! – выдал он после небольшой паузы. – А ты Коля случайно не знаешь, откуда они могли у нас появиться?

– А разве ж они у нас есть? – тот вопросительно глянул на полковника исподлобья, нехотя оторвав задумчивый затуманенный взгляд от зеленоватой бутылки, не на шутку усо-

мнившись в здравомыслии своего друга.

– Может быть, боги жили здесь раньше, среди людей? – предположил он, продолжая вкушать вино. – Ведь они носили металлические доспехи, и им не были страшны никакие укусы грызунов, насекомых и прочих паразитов. Вооружённые длинными мечами создатели мира сего легко отбивались от своих врагов. Когда-то я тоже в давние времена посещал Город и видел одного из них, точнее – памятник, воздвигнутый наверняка в честь какого-нибудь выдающегося их представителя, – тут он погрузился мыслями глубоко в себя и замолчал.

– И с чего ты это так решил, позволь полюбопытствовать? – спустя мгновение отвечал ему Николай, выставя перед собой уже пустую чашку. – То, что мы на них похожи, ещё ничего не доказывает. Ты же отлично знаешь, что боги создали людей по образу своему и подобию, как сказано в писании. Да и выглядят они совершенно не так, как ты их себе представляешь. У них белые светящиеся одежды и обруч над головой, хотя оных существ уже давно никто не видел.

– Рассказывают, что живут они сейчас в Городе и просто не показываются людям на глаза, – полушутливым тоном продолжал Николай. – Однако одному экспедитору из соседнего селения посчастливилось их наблюдать, правда, к сожалению, всего несколько секунд. Каким уж чудом он остался жив, остаётся загадкой, но в результате такого случая он

ослеп и, само собой, стал глубоко религиозен. Вот с ним бы переговорить на эту тему. Раньше, как рассказывали, в старину, боги могли возникать из ниоткуда, прямо с небес. Раздавались жуткие раскаты грома, появлялось разрывающее небосвод белое свечение, и они спускались к нам на золотой колеснице...

– Зачем издеваться над чувствами верующих? – внезапно оборвал его Василий с упрёком в голосе. – Спроси-ка лучше Андрея, может тот чего заприметил в Городе необычного. Однако если бы видел, то навряд ли вернулся назад, как и другие пропавшие экспедиторы. Несомненно, боги живут там. Кто бы тогда давал нам еду, питьё, одежду и прочие нужные вещи? Но за это они требуют от нас взамен своего рода жертвоприношений. Каждую неделю подходит состав на станцию к погрузочной платформе, и охотникам приходится забивать его вагоны всяческой умерщвлённой живностью, теми же мёртвыми грызунами, будь они неладны, летучими мышами, насекомыми, прочей нечистью, даже растениями на худой конец и отправлять в Город. Что уж они там с этим делают – непонятно, но если мы прекратим поставки, то боги – или кто там вместо них находится – могут прогневаться и перестанут обеспечивать нас всем необходимым. Наверное, хотят нашими же руками всех паразитов извести, что людям и приходится с омерзением делать, но, к сожалению, этих тварей меньше не становится. Скорее наоборот: чем больше их убиваешь, тем более возрастает их

численность. Хотя бы оружием каким-нибудь снабдили для порядка, а то приходится изготавливать всё самим...

Василий неожиданно прервал речь на полуслове, перевёл остекленелый взгляд на успевший прогореть к тому времени костёр. Его затухающие пепельные угольки сверкали красными мигающими искорками в надвигающейся ночной тьме.

– На-ка, похлебай горяченького. То, небось, как всегда, толком ничего не ел. Пить – то пьёшь, а не закусываешь, – проговорил он задумчиво, снимая котелок с шеста и ставя перед Николаем. – Уха уже давно сварилась.

После он достал приборы, ломоть хлеба и так же неторопливо положил их рядом.

– Оксану только что видел, – отрешённо, вровень с ним произнёс Николай, зачерпнув ложкой немного бульона, оказавшегося на удивление вкусным и наваристым. – Та соизволила встретить нас по дороге.

– Эка невидаль! Где она только не показывалась последнее время, – тут же импульсивно резко отреагировал его собеседник.

– Мужа своего она нашла. Дома, естественно, после обеда. Знаешь историю?

– Так ведь не в лесу живу, разумеется знаю! Тот вон у меня два дня отсиживался, да я Оксане сказал, что и понятия не имею, где он находится. Ты только, само собой, ей не проговорись, а то она меня потом с потрохами сожрёт, – несколько понижая интонацию, тихонько поведал ему Васи-

лий. – Парень он, конечно, неплохой, но больно уж погулять любит.

– Так вот кто ему укрытие предоставлял! А я-то грешным делом подумал, что что-то серьёзное приключилось, – шутливо изъяснился по сему обстоятельству Николай, однако после продолжил уже серьёзно: – Кто-то поведал Оксане о якобы надвигающемся конце света. Реки выйдут из берегов, вскипят моря и океаны, повсюду будет гореть огонь и всё живое обязательно погибнет.

– Будто он ещё не наступил? – усмехнувшись, ответил тот. – Я не уверен, поджаримся мы или нет, а уж замёрзнем так это точно. Вспомни-ка, ведь раньше, лет тридцать назад, мы чувствовали себя гораздо лучше. И жили всё время на поверхности. Зимой было значительно теплее, а летом – прохладнее, да и грызунов и прочей нечисти в округе – меньше. Случаются резкие перепады температур, как только эту зиму переживём, не знаю. Холод стал проникать даже сюда, озеро промерзает насквозь, температура ночью опускается ниже пятидесяти градусов. Представь, что на поверхности творится! Выходит, её опасения не так уж и безосновательны.

– А сейчас интересно сколько градусов? Вроде начинает подмораживать, – Николай испустил клубы пара, словно этим стремился подтвердить сказанное.

– Как говорится, что-то стало холодать... – смеясь, поддержал его мнение Василий, сразу взяв бутылку за горлышко.

ко. – Ну, наверное, эдак 15—18, как на этикетке указано. За-
мёрз чего ли? Вина подлить нужно?

– Ты лучше водки налей, там оборотов больше.

– Да пожалуйста, как хотите, – согласился Василий, плес-
нув тому немного в чашку из его же пластиковой тары.

– Андрюха, возвращаясь сегодня, чуть в бункер не опоз-
дал. Костры уже потушили, и я его ждал до последнего, –
как бы невзначай пожаловался Николай своему другу. Гово-
рить он этого не хотел, но информация как-то сама вырва-
лась наружу.

– Рискует своей головой, да и не только. Сейчас ведь дела
обстоят не так, как раньше, чтобы можно было без проблем
в лесу заночевать. Да и грызунов поблизости развелось немер-
рено, только того и ждут, чтобы сюда проникнуть. В прави-
лах ведь ясно написано, что после того как погашены костры,
каждый отвечает за себя сам и двери бункера должны быть
закрыты. Огонь-то хоть немного, да их отпугивает. Эти тва-
ри ведь довольно-таки неглупые создания и понимают, что
вблизи посёлка добыча идёт к ним прямо в руки или, пра-
вильнее выразиться, – в зубы, в виде экспедиторов и про-
чих запоздалых путников. Мы охотимся на них, а они на нас.
Кто-то даже высказывает мысль, будто они разумны. Я до-
вольно часто слышал такое от охотников.

– Ну уж ты и загнул! Значит, все эти твари, и летучие мы-
ши, и тараканы, и пауки обладают мозгами? – с иронией изу-
мился Николай. – У них, наверно, как и у нас – своё цивили-

лизованное сообщество.

– Зря смеёшься. Насчёт остальных не знаю, а вот про грызунов, точно, поговаривают. Их поведение в атаке не свойственно другим хищникам. При нападении они используют все средства, вызывают подкрепления. Среди них определяется лидер – вожак, который-то и управляет всей стаей. Паразиты довольно быстро эволюционируют. Скоро наступит время их царствования на планете. Наша популяция сократится, мы вымрем как вид, а они и подобные им особи продолжат своё существование, размножатся и займут наше место. Людей и так осталось мало, каждый человек на счету.

Приятель ненадолго замолчали, затем принялись уничтожать содержимое котелка. Когда бульон был съеден, они перешли на рыбу, предварительно разложив её по тарелкам. Однако их ужин продолжался недолго. Василий краем глаза заметил, что достаточно близко к дому, по земле, стремительно пронеслась чья-то огромная тень. Посмотрев наверх, полковник с ужасом удостоверился в предположении, что обладательницей её являлась летучая мышь крупного размера, делавшая уже второй круг над его хижинкой. Она по-особому своеобразно, даже несколько красиво парила в сумрачном воздухе предстоящей ночи, одновременно выцеливая пристальным взглядом кого-нибудь из своих потенциальных жертв.

– Быстрее в дом! – вскричал Василий, хватая под руку ничего не понимающего Николая, стараясь вместе с ним от-

ползти от места предполагаемой атаки. Петрович лишь успел попридержать очки, чуть не слетевшие с его переносицы долой.

Летучая мышь, ещё немного покружившись над ними, словно тщательно присматриваясь к добыче, спикировала наконец вниз, казалось в самый огонь, держа наготове острые как бритва когти. Но на земле, к удивлению выглядывавших в просвете дверей стариков, она схватила ту самую зеленоватую бутылку с вином и, усиленно махая крыльями, безобразно разбрасывая угли вокруг, ринулась обратно наверх, унося трофей вслед за собой.

– Вот зараза! Коля, она наше с тобой вино утащила! – в сердцах выпалил Василий, легонько приоткрывая двери и выглядывая наружу. – Наверное, летучие мыши тоже не прочь, как говорится, и на грудь принять.

Не успел он произнести эти слова, как данное величественное создание, только что так бесцеремонно посетившее их, рухнуло замертво на землю, издав последние, пронзающие тишину, оглушительно-визгливые крики, тем не менее продолжая мёртвой хваткой удерживать в когтях злополучную бутылку вина.

Ночная гостья была странным существом. Чёрного окраса кожа в некоторых местах покрывалась плотной чешуёй, немного напоминающей рыбу, но бывшей гораздо больше по размеру и заметно крепче по структуре. Пластины ослепительно переливались тёмно-синим отблеском в свете зату-

хающего пламени костра. Размах её перепончатых крыльев составлял порядка четырёх метров, и выглядели они на редкость внушительными даже для людей, повидавших многое. Голова смотрелась страшновато, с обагрённым кровью разрезом кривого рта, торчавшими оттуда длинными жёлтыми клыками, не помещающимися в нём полностью и высывающимися наружу, словно маленькие лезвия заточенных кинжалов. Уши, если их можно было называть таковыми, оказались просто огромными, росли своеобразно в разные стороны, тем самым представляли собой два больших уродливых куска её плоти. В месте, где должен был находиться глаз, торчал спасительный посторонний предмет – небольшой кусок арбалетной стрелы, который, пробив череп, поразил мозг этой хищницы, положив конец такому злобному её существованию. Вся картина происшедшего естественно произвела бы необычайно жуткое впечатление на наблюдателя, увидевшего когда-либо подобное зрелище впервые.

– Эй, мужики! Все там живы-здоровы?! – прогремел сверху кто-то вполне различимым человеческим голосом, спускаясь к перепуганным старикам с небольшой возвышенности. – Извините уж за беспокойство. Сам не знаю, каким образом она могла сюда проникнуть? Мой приятель отлучился ненадолго за надобностью, так просил меня присмотреть за охраняемыми здесь окрестностями.

– Слава богу, что Вы были неподалёку, – почти шёпотом вымолвил Василий, между делом продвигаясь к уродливо-

му существу поближе. – Хотелось бы ещё, чтобы вино осталось целым. Вижу: бутылка вполне целёхонькая. Просто удивительно, как она могла не разбиться.

Летучая мышь была уже мертва, однако предсмертные конвульсии у неё ещё наблюдались. Василий безуспешно попытался высвободить бутылку из лап хищницы.

Тем не менее незнакомец вышел на свет, встал рядом, и приятели вполне сносно смогли его рассмотреть. Ростом он оказался чуть выше среднего, возрастом – около тридцати трёх лет, коренастым и упитанным мужчиной, с короткими светлыми волосами и неестественно выставленной колесом грудью. Одет был в то, что обычно носили охотники: плотная, коричневого цвета куртка, точно такого же качества добротные ботинки, штаны, жилет, из-под которого неприлично выглядывали его рыжие волосы. Всё было изготовлено из кожи грызунов, что являлось лёгкой и прочной защитой от нападения. Сверху его покрывала тёплая накидка, выделанная тоже из меха какого-то животного, в руках было зажато копьё, позади, за плечами, висел арбалет, а на поясе болтался длинный нож-резак, размером скорее напоминающий саблю. Лицо выглядело полноватым и казалось даже несколько квадратным. Кожа, особенно в тех местах, где должны были расти усы и борода, отсвечивала нездоровой синевой. Возможно, он был просто небрит, что только усиливало это негативное впечатление.

– Не вглядывайтесь в меня, всё равно не узнаете, – над-

менно, но всё же немного улыбнувшись, сказал он.

– Отличный выстрел, сынок! – восхитился Николай, захотев сразу пожать руку своему спасителю, которую тот твёрдо удерживал вдоль туловища, не спеша, однако, предаваться взаимности. – Уберёг стариков от смерти. Огромное тебе спасибо. Как же тебя звать?

– Антон, – несложно ответил неизвестный охотник.

– Я Николай Петрович или просто Коля, как понравится. Это вот мой товарищ Василий, можно Полковник, – говорил он, указывая на приятеля, одновременно заискивающе заглядывая тому в глаза. – «Три звезды», как он сам любит выражаться. И давно у нас такие парни?

– Вторую неделю. Приехал в гости к другу.

– То-то мне сразу лицо твоё незнакомым показалось. Можно было бы отметить наше чудесное спасение, – прокричал Василий, указывая на бутылку, – если мне, конечно, удастся забрать её у этого чудища.

Тут Антон подошёл ближе и помог ему, вонзил копьё летучей мыши прямо в крыло, ближе к кисти, где и располагались сухожилия хищницы, тем самым продемонстрировал окружающим совершенные знания в области строения её организма. Когти мгновенно разжались, и вино упало в песок уже само собой.

– Хорошо ещё на вас не набросилась. Эти твари впиваются в жертву уже наверняка: острыми когтями в тело, а ядовитыми клыками – в шею, верно кровушки попить. В данном

случае яркая бутылка привлекла внимание больше. Любят они всё блестящее, что тут поделаешь.

– Ну, давай, присаживайся, выпей с нами, – из вежливости предложил ему Василий. – Портвейн просто отличный.

– Спасибо за приглашение, конечно, но такого добра у нас хватает. Главное, вы живы-здоровы остались, а остальные формальности нам совсем ни к чему, – горделиво ответил Антон, быстро возвращаясь в темноту, откуда пришёл.

– А как же твоя добыча?! – постаравшись его догнать, вопрошал Николай вслед.

– Оставьте себе на память. Вам-то она больше понадобится, – чуть слышно донеслось сверху.

– Ну и дела. Спасибо тебе, мил человек, – тяжело вздыхая и опускаясь на песок, произнёс Василий. – Вот какие люди ещё живут на белом свете! А бутылка-то и вправду целая – ни единой царапины.

Николай подошёл к летучей мыши вплотную.

«Диковинные же существа появились, совершенно другие, не такие как раньше, ничего не боятся, – думалось ему после того, как он уже своей рукой ощупал внушительные клыки хищника. – Этот шею свернёт и не задумается».

– Пойдём давай в дом, а то поздно становится, допьём вино, да я чайник поставлю! – крикнул ему Василий, находясь на пороге собственного дома. – А этого мы утром поделим, куда он от нас за ночь денется.

Приятели зашли внутрь. Избушка полковника выглядела

ещё меньше, чем у Андрея. В самой глубине комнаты, возле единственного окна, располагалась печка-буржуйка, стоявшая загодя затопленной. Труба её на удивление была выведена в то же самое окно. Как ни странно, кровати здесь не оказалось. Вместо неё на полу лежали шкуры животных, выстеленные своеобразным ковром. Не имелось также ни стола, ни стульев, ни любой другой мебели. Чашки, кружки, прочая хозяйственная утварь лежали рядом в картонной коробке. В углу возле дверей находилось металлическое ведро с водой, как для умывания, так, наверное, и для питья. Друзья уселись на этот ковёр, подперев спинами бревенчатую стену дома. Говорить было уже не о чем, и они допивали остатки вина в тишине, каждый думая о своём.

Глава 4. Сотрудничество

На следующий день Николай проснулся поздно, где-то после обеда, в полном одиночестве и совершенно без необходимых для активной деятельности жизненных сил. Причём его голова болела жутко, прямо-таки раскалывалась до той невозможно-тупой боли, какая обычно случается после употребления обильного количества горячительных напитков. Подобная его беспомощность была просто невыносима. В подтверждение сказанного, голову как будто что-то рвало изнутри, давило на виски, точно какой-то металлический предмет помещался там, рядом с её внутренностями, причиняя своим нахождением невероятные страдания.

Николай нетвёрдой рукой нащупал возле себя вчерашнюю пластиковую бутылку. На дне оставалось ещё немного водки. Невероятно, но всё же он с нескрываемым отвращением, морщась и дёргаясь всем организмом, вылил остатки себе в рот. Было противно и гадко. После чего Николай, пошатываясь, ненадолго теряя координацию движений, подобрался ближе к ведру, зачерпнул оттуда кружкой воды и утолил жажду. Закончив пить, он опрокинул остатки себе на голову – страдающее больное место и, размазывая живительную влагу по лицу, вышел во двор. Там он встретил Василия, который уже давненько, можно отметить – с самого утра – ползал на четвереньках возле вчерашнего трофея, разделя-

вая его на куски огромным ножом, целиком поглощённый этим, как казалось, малоприятным занятием.

– А, уже проснулся, – завидев Николая, констатировал он, всем объёмным корпусом разворачиваясь в его сторону. – На работу не опоздаешь? А то зря, наверное, не разбудил тебя пораньше?

– Выходной у меня сегодня. Неужто я тебе ничего так и не объяснил? – невнятно выдавил из себя Петрович, не успев как следует отойти от такого гнетущего его состояния. – Однако я к Андрюше хотел забежать ещё утром. Так что пойду. Может, застану его дома. Ты только мою часть туши никуда не देвай. Я её позже заберу.

– Вот ещё выдумал! Да мне одни крылья и нужны будут: дыру заделать на крыше, – оправдался Василий вслед удаляющемуся другу, к тому времени продвинувшегося на некоторое расстояние по тропинке вперёд. – Мясо-то сам ешь, если имеется такое желание. Оставлю полностью! Очень-то оно вкусное, я тебе скажу.

Николай поспешал. Он принялся бодрее переставлять ноги, переваливаясь так нелепым образом из стороны в сторону, но всё равно, с грехом пополам, еле живым дошёл так до Андреевой хижины. Силы явно покидали его. Сам хозяин почему-то сидел возле входа, на крыльце, немного наклонив голову вниз, и, как виделось, был чем-то обескуражен или подавлен. Рядом с ним стояла Оксана, была и ещё какая-то странная особа со сковородкою в руках, расположившаяся

уже чуть дальше, на брёвнах, которую Николай то ли со своего похмелья, то ли с такого её неказистого вида не сразу-то и признал. Женщины о чём-то разговаривали, будто бы даже спорили или переругивались между собой, но издали не всё было слышно. Николай подошёл ближе и понял, что все их такие эмоциональные высказывания в конечном итоге сводились только к одному – содержимому рюкзака, который уже полупустой лежал тут же неподалёку, возле дверей.

– Всем привет! – бодро выкрикнул Петрович с ходу, пробуя осмотреть присутствующих. – Что здесь происходит? Кто мне объяснит?

– Тебе-то, Коля, какое дело? Чего вообще нужно? Иди давай своей дорогой и не мешай нам, – недовольно пробормотала незнакомая женщина, удерживающая на коленях большую чугунную сковородку. Она раз за разом вытаскивала из неё угловатыми пальцами замасленные куски яичницы, недоеденные Андреем ещё вчера, старательно засовывала их себе в рот в надежде разжевать редкими зубами и проглотить. Большие части никак не помещались целиком, капали на одежду оставшимся маслом, которое стекало по сальной щеке с подбородка вниз.

– Не мог принести чего-нибудь попроще?!. Набрал одних консервов и рад!.. – возмущённо ворчала она с набитым ртом, при этом норовила импульсивно размахивать руками. Получалось не совсем разборчиво, но окружающие вполне её понимали.

Пригладевшись, Петрович насилу узнал в ней Наталью, бывшую жену Андрея, никоим образом, однако, не оставляющую того в покое. Что-то сегодня в ней было не совсем правильным.

Обращали на себя внимание длинные светло-русые локоны, чуть прикрывающие лицо густыми объёмными прядями сверху, ни разу наверняка не чёсанные за последнее время, как-то неестественно лежавшие у неё на плечах, словно являющиеся уже без того каким-то объёмным париком, а во-все не частью её самой. Тяжёлый массивный подбородок выглядел мужеподобно и внушительно, выдавал в ней некую неординарную личность. Большие серые глаза с длинными густыми ресницами и такими же чёрными, как смоль, бровями, совсем не крашенными даже, а просто бывшими такими от природы, в общности ещё больше подчёркивали весь этот её колоритный образ.

Наталье едва исполнилось двадцать пять, но, судя по внешнему виду, изрядно помятому и потрёпанному, выглядела она на все сорок, хотя прежнюю красоту можно было и восстановить при желании. Ведь она казалась крупной и высокой девушкой, с чуть полноватой, но этим несколько не портившим её, прекрасной фигурой, виделась окружающим женщиной в теле, ежели не подразумевать под этим иное. В общем, всё находилось при ней, и даже трудно было отметить какой-нибудь изъян или недостаток, указывающий на её неполноценность.

А вот во что она одевалась, нелегко было описать или даже представить, чем оное могло быть раньше. Какие-то лохмотья, обноски и ремки прикрывали это вполне роскошное тело, и только единственно из-под такого наряда выглядывала одна белоснежная блузка, будто осознанно бросающая вызов всей её остальной одежде. Та словно сияла исключительно-слепящим светом виднеющегося сверху воротничка, явившегося здесь каким-то совершенно неведомым образом, заставляя тщательнее присмотреться к её обладательнице.

– Мне от тебя совсем немного нужно, чего-нибудь на ребёнка получить... – растягивая слова, словно в бреду, говорила Наталья, обращаясь куда-то вдаль, по видимости далеко не в первый раз высказывая подобные слова Андрею. – Олежка и твой сын тоже. Ходишь ведь в Город, всё равно какая-то польза имеется от этих путешествий. Был бы ты лучше земледельцем или охотником на худой конец. Те живут намного лучше вашего. Таскаешь вот разные банки, кому они только нужны? Отдай хоть их часть, да я уйду, оставлю тебя в покое.

– Нет! Ты сейчас же отстанешь от него и без всяческих ультиматумов! – продолжала в очередной раз вступаться за Андрея Оксана, просверливая неприятную особу острым испепеляющим взглядом. – С чем пришла – с тем и уйдёшь. Покушала вот, да и хватит с тебя, пожалуй. Проваливай отсюдова подобру-поздорову, откуда нарисовалась! Мо-

жет, кто другой подаст? А у нас ещё разговор серьёзный намечается. Вот и Петрович как раз вовремя подоспел.

Наталья медленно перевела свой усталый взгляд на Николая, стоявшего напротив и буквально в упор рассматривавшего её. Она постаралась также, насколько это представлялось возможным, всмотреться в его глаза, словно намеревалась в них прочесть, о чём собственно пойдёт речь. Хотя такие разговоры, откровенно признаться, казались Наталье абсолютно малозначимыми.

– Петрович, до дому меня не проводишь? То мне одной несподручно идти будет, – в несколько заигрывающей манере спросила она, наблюдая того мутным, окончательно отрешённым от всего существующего мира взором.

– Сама дойдёшь, невелика птица, – небрежно бросил он ей в ответ, после отвернулся и отошёл подальше.

– Действительно, с вами не договоришься!

Выругавшись и быстро поднявшись, Наталья «сохватила» лежавшую возле рюкзака бутылку спиртного, блок сигарет, ещё какую-то банку с продуктами и, чуть спотыкаясь, небрежно побежала прочь.

– Ох, чего-то она у тебя стащила! – настороженно провозгласил Николай. – Вернуть бы нужно. Как ты думаешь?

– Да вижу я, чего уж теперь, – отвечал Андрей, махнув рукой вслед, в очередной раз позволяя Наталье проделывать подобные вещи. – Пускай немного порадует. Обменяет их на продукты подешевле или, что скорее всего и будет, сама

употребит по назначению. Олечка ведь одинаково – ко мне прибегает, к тётке или бабушке. Голодом уж не останется.

– Вот и у меня муженёк точно такой же, как твоя бывшая. Спозаранку куда-то снова подался, – запричитав так опять, как и в прошлые разы таких встреч, начала ещё больше разоряться Оксана. – И не удержишь ведь ни в какую, как не старайся. Надоело мне уже за ним бегать.

– А ты его на цепь привязывай, – посмеялся над ней дядя Коля. – Проснётся утром и никуда от тебя, само собою, не денется, не уйдёт, не попрощавшись. Как ни на есть дома останется.

– Ну и шуточки у тебя! Только и знаешь ёрничать. Однако, хватит дурачиться, давайте лучше о деле нормально поговорим, – резко попыталась настроиться на серьёзный лад Оксана, немного, разве только самую малость, всё-таки обидевшись на Петровича, так как несмотря на свой упрямый скандальный характер была особой крайне впечатлительной.

– Так вот, пока не стало совсем холодно, соберём продукты со всего посёлка, – продолжала она. – Их сейчас везде дополна доставляют, они недорого стоят, подобные тем, какие Андрей из Города принёс, и отвезём в дальние селения на обмен. Там местные жители за лето хорошо кореньями запаслись. До Города им сейчас не добраться: далековато – грызуны помешают. Наши консервы и одежда у них будут точно в цене. Организуем экспедицию да дичь по дороге постреляем.

– Надо будет ещё и охотника какого-нибудь с собой брать, а то как бы нас самих по дороге не «перестреляли», – выдал такое заключение Николай, недоверчиво поглядывая на неё и слегка усмехаясь. – Ты вот, Оксана, умеешь с оружием обращаться? А ты, Андрей, кроме своего ножичка? Про себя так я вообще молчу, потому что дальше собственного носа всё равно ничего не вижу.

«Вы сначала подводу из управляющего выбить попробуйте, – тем временем думал Андрей, – а потом и будете решать, куда вам действительно на ней поехать».

Но вслух подобные мысли он произносить не стал, а приберёг оные для более подходящего случая. Он лишь с интересом посмотрел на свой нож, который висел у него на поясе, и после загадочно улыбнулся. Когда ходишь один, другое оружие было практически бесполезно. Андрей это знал и даже не брал его с собой, давно разучившись им пользоваться. Однако нечто особенное для таких опасных и непредвиденных встреч у него уже имелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.